

Художник балетного театра

Меньше всего Солико Вирсаладзе можно назвать оформителем спектаклей — он поэт театра. В сценическое произведение он входит как один из его творцов, соавторов. Он бывает мрачен и весел, грозен и мечтателен, наивен и проникателен. Но в его настроении, всегда ошутимом, способном воздействовать на настроение зрителя, преобладает та интонация, которая с наибольшей полнотой выражает поэзию произведения, его главную мысль.

Вся художественная жизнь Вирсаладзе неразрывно связана с музыкальным театром. Он не случайно избрал балет основной сферой своего творчества. В условности хореографического спектакля живет эмоциональная правда человеческих чувств. Особый поэтический язык этих чувств, окрашенных романтикой любви, наиболее близок его творчеству.

Вирсаладзе обладает даром увлекательного и точного пластического воплощения музыкального содержания. Условный мир декораций становится у него зримым, органичным, раскрывающим замысел балетного спектакля. Декорации его активны — они не только отражают внутренний мир человека, но часто как бы подсказывают его судьбу.

В декорациях художника большое место принадлежит природе, пейзажу. Это естественно. Действие балета редко происходит в замкнутом интерьере. В балетном спектакле волнения и радости героев, перемены судьбы почти всегда требуют широкого фона, простора, перспективы. Поэтому морская гладь, сияющий горизонт, кипучее движение реки, сухой шелест осенних листьев, золотистый свет дня, захлебывающиеся потоки ливня не только со-

путствуют поступкам героев, но и помогают их раскрытию.

Задолго до того, как Вирсаладзе смог сознательно осуществлять свои творческие замыслы и мечты, определилось его тяготение к театру. Он делил свою любовь между музыкой и живописью. И когда в юности он восхищался декорациями, у него рождалось желание поместить под холщовое театральное небо семицветную радугу над снежными вершинами, узкие тифлиские улицы, круго взбегающие к синим склонам гор.

Еще в ту пору, когда Вирсаладзе был школьником и обучался живописи в Тифлиской государственной студии для одаренных детей, ему казалось, что лица людей, белизна снега, густые тени домов на тротуарах — вся окружающая действительность просится под его кисть. Уже тогда его увлекала природа с ее безграничным богатством красок, глубиной и многообразием чувств. Позднее, когда будущий художник занимался в Москве на факультете театральной живописи, он стремился соединить законы решения сценического пространства с теми живописными впечатлениями, которые рождала в нем природа. Не случайно первые же самостоятельные работы Вирсаладзе, родившиеся в области хореографического спектакля, с его свободой живописных решений.

Пятнадцать лет назад, в содружестве с балетмейстером Вахтангом Чабукиани, Вирсаладзе создал на сцене Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова декорации к спектаклю «Сердце гор». На сцене возникли свежие, поэтические образы родной художнику природы. Прозрачный воздух лился на лазоревые берега, густую, будто обрызганную

росой, зелень долин. В контрасте между этой поэтической ясностью лирического пейзажа и коричневыми скалами, крутыми, неприступными, словно изрезанными морщинами времени, естественно возникала драматическая история грузинской девушки Маниже и юноши Джарджи.

И в этой и в других ранних работах сказались отличительные свойства таланта Вирсаладзе. Он — лирик. Это не сужает возможностей его творчества, но определяет его искусство, всегда окрашенное личным чувством художника и, в то же время, всегда интимно обращенное к чувству зрителя. Тихая, немного торжественная печаль рождается, когда за занавесом открывается слегка затянутое туманом, прохладное озеро, с окунувшись в него тонкими ветками, с трагическим силуэтом подстреленной птицы — знаменитое «Лебедино озеро». В просветах бледной зелени мелькает плавно движущийся красный план. Слово согретый человеческим дыханием, он воспринимается как предвестник любви, побеждающей безжизненную тишь.

Не потому ли так запоминается дерево в «Лауренсии», что оно — одинокое, тревожно раскинувшее ветви над могучим стволом, вызывает образ угнетенного, страдающего, но несокрушимого народа! И это дерево и бурный ручей за ним предстают на сцене именно такими, какими должны ощущать их герои спектакля. Именно такими, суровыми, неприступными и должна была увидеть идущая на подвиг Лауренсия наглые темные расщелины скал в последнем акте спектакля. Когда по грубым ступеням, высеченным в громаде камня, в грозном и торжественном марше идет за Лауренсией народ, кажется, что самый камень

раскален справедливым гневом воставших.

Фантазия Вирсаладзе щедра и неожиданный. Его кисть свободна, порой дерзка, но в то же время не расточительна. Он не ищет обилия и разнообразия цвета, бьющей в глаза световой игры. Если он прибегает к контрастам, то не для того, чтобы поразить воображение, а чтобы подчеркнуть конфликт произведения. Вместе с тем, ему совершенно не свойственны тусклые тона, анемичные линии, фотографические «прозаизмы».

Есть в «Спящей красавице» вальс, который Вирсаладзе называет зеленым. На фоне весеннего пейзажа, целомудренного и свежего, скользят пары. Они одеты в зеленое. Сотни зеленых костюмов на фоне расцветающей зелени. Ни одного яркого пятна, но в богатстве оттенков пробегающих фигур — от бледносалатного до насыщенного густозеленого — видится радостный, обещающий хоромод весны.

Тема пробуждения жизни чрезвычайно близка художнику. В любом созданном им спектакле, независимо от того, будет ли он напряженно драматическим или мягким, сказочным, всегда угадывается желание отстоять любовь, мир светлых человеческих чувств, жизнь. В этом — гуманистическое начало творчества Вирсаладзе. С годами в выражении своих гуманистических чувств он стал более лаконичным и мужественным. Декорации его становятся все более четкими по мысли и энергичными по способу выражения. Все больше удается Вирсаладзе передать в оформлении спектакля жизнь человеческого сердца, борьбу страстей. Нерасторжимость внешнего облика сцены и происходящих событий помогает зрителям постичь его намерения.

Недвижим морозный воздух перед домом Штальбаума в балете-сказке Чайковского «Щелкунчик». Холод-

ный, безветренный воздух. Вытянулись, как на параде, безмолвные ветки. Зябко и одиноко должно быть человеку, попавшему на улицу в канун праздника. Но насколько теплее, приветливее становится зимний пейзаж леса, когда ночное путешествие приводит туда Машу. Высокие ели сомкнулись над головой, словно закрывая ее от снега и холода. Чуть слышно позванивает ледок под ее легкими шагами. Пушистые снежинки кружатся и тают, превращаясь на лету в цветы. Мягкий свет пробивается сквозь серебряные прозрачные ветки, и на деревьях загораются огромные красные свечи: красное — цвет жизни. Колеблющиеся пламя свечей обогрывает ночной воздух. Но вот оно растворяется в мощном свете солнца, озаряющего распускающийся лес.

Солнце растапливает преграды. Любовь приводит в движение силы природы. Эта большая, гуманная мысль отчетливо раскрывается на фоне наивных и доверчивых ощущений героини спектакля Маша. Эта же мысль, но освобожденная от фантастического, сказочного обличья, возникает в декорациях спектакля «Семь красавиц». Осушительных художником в Ленинградском академическом Малом оперном театре.

Два мира сталкиваются в этом спектакле: деятельный, чистый, свободный мир Айши и Мензера и мрачный, жестокий, коварный мир шаха Бахрама. В решении спектакля Вирсаладзе резко сталкивает два этих начала, и, следя за мыслью художника, мы легко угадываем, что дорого ему как человеку и против чего восстает он со страстным гневом обличителя.

Угрюма, неподвижна высокая стена дворца шаха Бахрама. Холодно обнажены скользкие уступы серого камня. Давящая безысходность в этих тяжелых сводах, в их мрачной непроницаемости. И только наверху, в неожиданном пролете лестницы от-

крывается далекая перспектива. Чуть голубеет небо над уходящими вверх ступенями, и легкие струи дневного света, проникающего оттуда, напоминают о жизни. Иное, светлое настроение — в изображении облаканной светом, зеленоющей земли, на которой трудятся подданные Бахрама. Стройные стволы деревьев, сочные листья растений, розоватый, блестящий воздух напоминают о красоте человека, о поэтичности его труда.

Здесь все служит главной мысли. Когда Айша пробегает по земле, упругие колосья ласково склоняются ей навстречу. Но когда жестокие визири, одетые в черное, топчут посеянные, видно, как вздрагивает, сопротивляется земля, как мучительно пытаются распрямиться колосья.

Не все в этом спектакле достигает у Вирсаладзе такой законченной и обобщающей характеристики. В сцене появления семи красавиц смена декораций и света, при всей ее изобретательности, кажется случайной, необязательной, «многословной». Темнозеленое небо, зеленый свет звезд красивы и сказочны. Но они нейтральны, в них не чувствуется отношение самого художника к происходящему, а в некоторых деталях, например в месяце, вырывающемся, как ладья, и тоже зеленом, есть не свойственная Вирсаладзе вычурность. Очевидно, это произошло потому, что и в спектакле тема семи красавиц существует сама по себе, параллельно главной теме, за пределами реальной борьбы, составляющей главное содержание спектакля.

А ведь тем и дороги, современны декорации Вирсаладзе, что в них мы всегда ощущаем конкретную человеческую борьбу, подлинные человеческие чувства. Многообразие этих чувств и высказывает художник в строгих и красноречивых декорациях, составляющих вторую, безмолвную музыку балетного спектакля.

Р. БЕНЬЯШ